

**Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»):
восемь вопросов и ответов**

Abstract. Belarusian «Trasyanka» or, better, Belarusian-Russian-Mixed-Speech (BRMS) is a relatively stable substandard variety in Belarus, which is practised by a large part of the inhabitants of the country. Of course, its existence is a result of a long lasting and intensive Belarusian-Russian language contact. For centuries, Russian has been the absolutely dominating standard language in Belarusian society, whereas since the 1930s onward standard Belarusian has played a rather peripheral role. This is the case even in Post-Soviet Belarus. The following questions concerning BRMS are discussed in the paper: (1) When did BRMS («Trasyanka») arise? (2) Is it a variety of uneducated people? (3) Is BRMS a variety of Belarusian or Russian? (4) How did it come into existence and how is it acquired? (5) Is BRMS a temporary phenomenon in the society shifting from Belarusian to Russian? (6) Is it an instance of code switching or code mixing, or is it even a fused lect? (7) Is it possible to differentiate BRMS based on Belarusian from BRMS based on Russian? (8) Is there any «usus», a norm in using BRMS?

Key words: language contact, mixed languages, sociolinguistic variation, code mixing, code switching, language acquisition in bilingual settings.

Данная статья является своего рода подведением итогов научно-исследовательского проекта по изучению белорусско-русской смешанной речи, который на протяжении последних лет проводился под моим руководством благодаря активной поддержке со стороны кафедры истории белорусского языка и Центра политических и социологических исследований БГУ. Я очень благодарен многим минским коллегам, а особенно Давиду Ротману и Сергею Запрудскому. В данной статье я не буду представлять результаты анализа отдельных феноменов трасянки (хотя и буду на них неоднократно ссылаться; ср. объемный список литературы), а представлю несколько основных ольденбургских положений общего характера в форме вопросов и ответов.

И еще краткое замечание относительно терминологии: я разделяю скептицизм белорусских коллег [напр., Меёkovskaja 2014] по поводу приемлемости употребления негативно коннотированного термина «трасянка» в научных трудах, и поэтому в работах, опубликованных в рамках Ольденбургского проекта, употребляется, как правило, термин «белорусско-русская смешанная речь», сокращенно БРСР.

1. Когда возникла БРСР?

Это скорее не эмпирический, а, прежде всего, теоретический вопрос, или вопрос определения. Если рассматривать все когда-либо засвидетельствованные случаи смешения белорусских и русских элементов и конструкций, то можно согласиться с Н. Мечковской и датировать зарождение БРСР концом XVIII века [Мячкоўская 2013; Меёkovskaja 2014], если не раньше. Что же касается ранних форм смешения в период до XX в., то в большинстве случаев их можно охарактеризовать как чисто интерференционные явления, т. е. как спонтанное смешение. (Еще более ранняя «проста мова», в понимании Б. Успенского [1994], которая в свое время в т. н. «Юго-Западной Руси» являлась языком образованных слоев населения и для которой, безусловно, была характерна оп-

ределенная степень конвенционализации, на протяжении XVIII века, согласно общепринятому мнению ученых, была вытеснена польским языком, иными словами, не передавалась следующим поколениям.) Однако с социолингвистической точки зрения такая двуязычная ситуация, как, например, в Беларуси, вызывает интерес только тогда, когда большое количество носителей одного языка ежедневно сталкивается с другим языком и при этом стремится говорить на нем. Именно это и является условием для того, чтобы подобного рода «языковые мигранты» начали использовать смешанную речь не только в общении с носителями второго языка, но и между собой. Наконец, смешанная речь начинает употребляться и в общении с детьми, что, в свою очередь, приводит к сравнительной стабилизации, т. е. конвенционализации смешения. Британская диалектология, которая еще в прошлом веке стала изучать не только старые, деревенские, говоры, но и новые, т. н. городские диалекты, подробно описала эти механизмы на примере Британии [ср. Trudgill 1986]. В Беларуси необходимые для этого социальные условия появились только во время активной урбанизации и индустриализации страны после Второй мировой войны и из-за связанного с ними массового стремления нового белорусского городского населения перейти на русский язык. Данная взаимосвязь отчетливо прослеживается у С. Запрудского [Zaprudski 2007] по отношению к трасянке и у О. Тараненко [Taranenko 2007] по отношению к украинскому суржику. Вполне возможно, что в Восточной, т. е. Советской, Беларуси это развитие началось и раньше, по крайней мере частично, а именно в период между мировыми войнами [ср. Klímaй 2014]. В рамках Ольденбургского проекта рассматривался только тот временной отрезок, в котором на территории Беларуси были созданы общественные условия для стабилизации структур БРСР, а также для передачи ее от поколения к поколению в семьях.

В любом случае сегодняшняя БРСР не является продолжением традиции смешения белорусского и русского языков XVIII и XIX вв. Таким образом, БРСР не восходит и к старым «гибридным формам» в «Юго-Западной Руси», как полагает Штерн [Stern 2013: 179], а является одной из форм койнеизации автохтонных субвариантов и доминирующего литературного языка (т. е. феноменом конвергенции между субвариантом и литературным языком), наблюдаемой во многих европейских странах в контексте индустриализации и урбанизации. Отличие белорусской ситуации заключается, однако, в том, что доминирующим литературным языком в Беларуси на протяжении практически всего XX века (с некоторыми ограничениями в 1920-е гг.) являлся русский язык. Т. е. функцию «языка-крыши» [Kloss 1977] выполнял не более близкий в структурном плане белорусский литературный язык, широкое распространение и утверждение которого в обществе не поддерживалось ни советской (начиная с 1930-х гг.), ни постсоветской политикой, а русский язык.

2. Является ли БРСР формой речи необразованных?

Мечковская [например, Мячкоўская 2008; Mečkovskaја 2014] и Лисковец [Liskovets 2009] связывают БРСР с отсутствием образования, определяя ее как

речь людей, не способных говорить на «чистом» белорусском или русском языке. Такой подход не мог не содействовать стигматизации смешанной речи в Беларуси¹. Проведенные в рамках Ольденбургского проекта социологические опросы показывают, напротив, что большинство респондентов в сферах общественной жизни употребляет русский язык, в то время как в бытовой сфере преобладает БРСР [Хентшель, Киттель 2011], причем такое распределение характерно для говорящих с разным (формальным) уровнем образования. Возникает вопрос, хотят ли процитированные выше коллеги называть всех употребляющих БРСР необразованными. Во-первых, это было бы несправедливо по отношению к широким кругам белорусского населения. Во-вторых, и это в научном плане важнее, высказывания в научной литературе о том, что употребляющие БРСР необразованны, основывающиеся на соответствующем определении, что БРСР является идиомом необразованных, тавтологические: если человек использует БРСР, значит он необразован, независимо от того, какое у него формальное образование. Тавтология, конечно, всегда «правильна» в плане логики, но, как хорошо известно, тавтологические высказывания являются тривиальными по отношению к действительности. Наиболее проблематичным в подходе Н. Мечковской и И. Лисковец является то, что в таком случае остаются скрытыми действительные масштабы распространения БРСР.² Без сомнения, есть люди, у которых не было возможности в кругу своей семьи, на работе или в школе достигнуть высокого уровня владения белорусским или русским языком. Анализ корпуса семейных разговоров подтверждает результаты опроса: в речи большинства говорящих встречаются длинные фрагменты, которые однозначно могут быть классифицированы как БРСР [ср. Hentschel, Zeller 2012]. Другие же фрагменты речи тех же говорящих являются русскими, пусть и со следами влияния белорусского произношения. Похожая ситуация наблюдается и в записанных одночасовых интервью. Фрагменты на русском языке, характерные в первую очередь для начала интервью, чередуются с фрагментами явно смешанной речи. Из этого следует, что, во-первых, БРСР встречается у говорящих с разным уровнем образования, хотя белорусы с высшим образованием используют ее значительно реже. Во-вторых, для языкового ландшафта Беларуси ха-

¹ Н. Мечковская [Мячкоўская 2013: 63] утверждает, что среди белорусских лингвистов нет таких, которым было бы присуще отрицательное отношение к БРСР. При этом, называя БРСР «тупиком гибридного говорения», уважаемая коллега забывает, например, следующие высказывания белорусских лингвистов: Г. Цыхун утверждает, что «культиваванне трасянкi паралізуе моўную дзейнасць індывідуума», Л. Семешко приходит к выводу, что БРСР приводит к «разрушению обеих систем», Б. Плотников считает, что «трасянкавае маўленне і непрывабнае, і непрыгожае нават з пункту гледжання яго гучання», А. Михневич полагает, что «трасянка – гэта шкодны вынік дрэннага валодання сваёй, роднай мовай і іншымі», в то время как С. Прохорова дает трасянке даже такое определение: «Трасянка – чудовищная смесь языков – не только показатель низкого культурного уровня страны – это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах». Эти и многие другие (далеко не позитивные) высказывания представлены С. Запрудским [Запрудскі 2009; Zaprudski 2014]. Конечно, он затрагивает и полемику вокруг БРСР со стороны нелингвистов. З. Позняк, как известно, высказался следующим образом: «Паўмова “трасянка” – галоўная прычына абмежаванага культурнага ўзроўню».

² В некоторых своих публикациях Мечковская вскользь упоминает и о «трасянке для образованных», однако не рассматривает это явление подробнее.

рактерна ситуация диглоссии между русским языком и БРСР.¹ За исключением первого поколения носителей современной БРСР, данную форму речи у большого количества говорящих ни в коем случае нельзя рассматривать (вопреки [Stern 2013]) как «недоученный русский язык», ведь при желании многие носители БРСР, если не большинство, могут хорошо говорить по-русски.

3. Является ли БРСР «диалектом» белорусского или русского языка?

Предположение о том, что БРСР может развиваться в диалект или региолект русского языка, недавно высказали Д. Штерн [Stern 2013] и Н. Мечковская [Mečkovskaja 2014]. А. Лукашанец, напротив, относит БРСР к разновидностям белорусского языка.² Мнения же неспециалистов разделяются: только 20 % из приблизительно 1200 опрошенных жителей маленьких и средних городов, белорусов по национальности, считают, что БРСР является разновидностью русского языка; 40 % называют ее разновидностью белорусского языка; остальные же 40 % считают БРСР чем-то третьим, средним между белорусским языком и русским [Хентшель, Киттель 2011].

Этот вопрос имеет два аспекта: социолингвистический и структурно-лингвистический. Что касается социолингвистического аспекта, то я хотел бы сослаться на подход, представленный в 1985 году на Международном конгрессе германистов в Геттингене: коллега-германист высказал мнение, что алеманнские, т. е. германские диалекты в Эльзасе, должны сегодня рассматриваться не как диалекты немецкого, а как диалекты французского языка. При этом он указывал на актуальную ситуацию диглоссии в современном Эльзасе, при которой алеманнские диалекты, или региолекты, выступали в качестве «низкого» языка («low-variety»), а французский язык – в качестве «высокого» («high-variety»), или «языка-крыши». В данном, социолингвистическом, смысле БРСР в Беларуси можно, конечно, рассматривать как субстандарт русского языка, точнее, как идиом, находящийся под «крышей» доминирующего в стране русского языка, так как для большей части белорусского населения именно БРСР и русский язык являются основными кодами.

Со структурно-лингвистической точки зрения ответ должен быть иным. Здесь возникает вопрос, насколько и в каких структурных областях БРСР присущи черты русского или белорусского языка. Влияние русского языка наиболее четко прослеживается в лексике БРСР (особенно в области дискурсивных маркеров) и в морфосинтаксисе [ср. Хентшель 2013; Tesch 2014]. Что же касается словоизменения, фонетики и фонологии, а также части основного словарного состава, включая структурные слова, т. е. более закрытых областей языковой структуры, то здесь БРСР остается под сильным влиянием белорусского

¹ Такие диглоссические отношения в последнее время все чаще описываются и украинскими языковедами относительно суржика, причем суржик выступает в качестве «низкого» языка («low-variety»), а русский и / или украинский – в качестве «высокого» («high-variety») [ср. Taranenko 2014; Šumarova 2014].

² Ср. Лукашанец <http://vks.belpak.by/archive/624-drm.html> (состояние на 30.06.2014).

языка. Таким образом, в структурном плане БРСР может рассматриваться как разновидность белорусского языка, причем причины похожи на те, по которым английский язык и сегодня все еще относится к германским языкам, несмотря на сильное влияние латыни и романских идиомов, а румынский – к романским, несмотря на сильное влияние славянских языков.

Поэтому абсолютно правильной является стратегия, предложенная председателем Общества белорусского языка Олегом Трусовым, который, побуждая белорусскую молодежь к активному использованию белорусского языка, призывает ее не стесняться и начинать говорить на порицаемой многими БРСР, со временем заменяя в ней русизмы на белорусизмы.¹ Такой подход, по моему мнению, заслуживает поддержки не только белорусских языковедов и учителей белорусского языка, но и поддержки белорусской языковой политики.

4. Как возникла БРСР и как ее «изучают»?

Как уже было сказано, распространено мнение, что БРСР типична для белорусских сельских мигрантов. Т. е. оказавшись в новой, преимущественно русскоязычной городской среде, они отказывались от своего диалектно окрашенного белорусского идиома и старались говорить на структурно близком русском языке так, как умели, используя школьные знания. В отношении говорящих с подобным языковым фоном и в самом деле можно говорить о БРСР как о «недоученном» русском языке: у них БРСР развивалась «с нуля», они ее не усваивали. (Вопрос о том, насколько их деревенский белорусский, прежде всего в восточной части Беларуси, уже был подвержен влиянию русского языка, остается здесь открытым.)

Итак, процитированное мнение о том, что БРСР типична (в смысле «недоученного» русского языка) для жителей белорусских городов сельского происхождения, является частично справедливым. Однако дети мигрантов, с которыми говорили именно на БРСР, перенимали ее «естественным путем» у своих родителей, а позже также и у других членов семьи или у соседей с похожим социальным фоном. Сегодня почти половина опрошенных нами респондентов (все из маленьких и средних городов) называют БРСР основным кодом своей первичной социализации [Хентшель, Киттель 2011]. Это значит, что на протяжении последних десятилетий большое число белорусских детей, если не их большинство, в качестве «первого языка» усваивало в первую очередь БРСР. Иными словами, они росли преимущественно одноязычными, приобретая навыки общения только на смешанном и высоковариативном коде. Освоение же белорусского и русского языков, т. е. белорусско-русское двуязычие, наступало уже позже. Часто способность разграничивать белорусский и русский языки у таких детей начинала развиваться только в школе, где они учились подавлять элементы одного языка, говоря на другом. А так как школ с русским языком

¹ Cp.: http://www.belgazeta.by/ru/2004_08_16/sobytiya_otsenki/8079/ (состояние на 30.06.2014) и <http://nn.by/?c=ar&i=103005> (состояние на 05.07.2014). Стоит заметить, что О. Трусов, по-видимому, не считает своих студентов, употребляющих в быту БРСР, необразованными.

обучения в Беларуси значительно больше, чем с белорусским, а вне семьи, вне круга друзей и знакомых (в том числе и в СМИ) также доминирует русский язык, то и усваивается он, как правило, значительно лучше, чем белорусский. Новый репрезентативный опрос, проведенный на территории всей страны осенью 2013 года (при поддержке Давида Ротмана), показал следующие результаты: почти 100 % из 1000 респондентов в возрасте от 17 до 32 лет ответили, что в совершенстве владеют устной и письменной формами русского языка, в то время как по отношению к белорусскому языку такой ответ дали меньше половины опрошенных. Кроме того, почти 90 % респондентов заявили, что постоянно говорят на русском языке, в то время как белорусским языком постоянно пользуются только 5 %. Учитывая эти результаты, можно говорить, что значительное большинство молодых белорусов не способно производить длинные речевые фрагменты на белорусском языке.

5. Является ли БРСР временным явлением на пути перехода от белорусского языка к русскому?

Этот вопрос также имеет несколько аспектов, и в определенном смысле на него можно дважды ответить положительно. Во-первых, сельские мигранты в новой городской среде отказывались от своего, как правило, диалектно окрашенного белорусского языка и переходили на русский, хотя и не совсем успешно. Другое же явление происходит на наших глазах: часть говорящих (отнюдь не все), речь которых была записана в семейных разговорах, использует сегодня чаще всего даже в семейном контексте преимущественно (хороший) русский язык, отказываясь в большинстве ситуаций (но, конечно, не всегда) от употребления первоначально усвоенной БРСР. Речь тут идет в основном о части молодых людей. Если же в редких случаях они и употребляют смешанную речь, то эта речь содержит гораздо меньше элементов белорусского языка [ср. Hentschel, Zeller 2012]. Этих говорящих привлекает, в первую очередь, социальный и экономический статус русского языка¹. Кроме того, влияние оказывает и распространенная стигматизация БРСР. У таких молодых людей переход на русский язык в значительной мере уже произошел.

У других же представителей молодого поколения наблюдается совсем иное языковое поведение. Качественно их БРСР не отличается от БРСР поколения 50–60-летних. Тем не менее, в записанных семейных разговорах у них также встречаются фрагменты, произведенные на правильном русском языке. Выбор кода, БРСР или русский язык, зависит, как правило, от собеседника или же от темы разговора. По результатам упомянутого выше опроса, проведенного недавно на территории всей страны, почти три четверти представителей молодого поколения используют в качестве основного средства коммуникации в семье

¹ Молодые матери, как правило, стремятся воспитывать своих детей на том языке, который будет способствовать их школьному и карьерному успеху. Именно по этой причине моя мать (домохозяйка) в 1950–1960-е гг. в Северной Германии не разговаривала со мной на нижненемецком, несмотря на то, что это был код ее первичной социализации.

русский язык, более одной пятой – БРСР. Но как дополнительное средство коммуникации (наряду с русским) в быту и на межличностном уровне БРСР играет, безусловно, гораздо более важную роль.

Не вызывает сомнения, что в коммуникации молодого поколения БРСР занимает менее важное место, нежели в коммуникации старшего поколения. Но значит ли это, что БРСР исчезнет? Если да, то наверняка намного позже, чем белорусский язык. Однако существует реальная возможность того, что БРСР сохранится, даже в том случае, если русский язык еще сильнее укрепитя в качестве языка общественной и бытовой сфер жизни. Подобную ситуацию можно продемонстрировать на примере других стран, например Верхней Силезии: во времена урбанизации и индустриализации, начиная с конца XVIII в., польско-силезские диалекты подверглись сильному влиянию немецкого языка. В итоге развился высоковариативный, смешанный из немецкого языка и силезско-польских диалектов идиом, который, как и БРСР, получил пренебрежительное название «разбавленного», или «водянистого польского» (нем. «Wasserpolnisch»), т. е. польского языка, разбавленного немецким, как водой. (Заметим, что в данной статье это название употребляется абсолютно нейтрально!) Особенно в области лексики и морфосинтаксиса этот т. н. «разбавленный польский» носил черты немецкого языка, однако элементы и конструкции «разбавленного польского» сильно варьировали с функционально эквивалентными им польскими или же немецкими элементами и конструкциями. Вот один из примеров сильно германизированного предложения: *Moj junga se szlecht auffiruje, nawet sztyfle se ne pucuje*¹. Позже, во время «культурной борьбы» при Бисмарке, на всей верхнесилезской территории, а потом и в оставшихся после Первой мировой войны в Германском рейхе частях Верхней Силезии многие польские верхнесилезцы полностью перешли на немецкий язык, особенно во времена Третьего рейха. Известно, что их «разбавленный польский» был еще более приближен к немецкому языку. В их речи накладывались друг на друга и без того сильно германизированный «разбавленный польский» и явления «языкового упадка» (language attrition), когда, например, окончания косвенных падежей существительных заменялись окончаниями именительного падежа. Похожая ситуация наблюдается и в случае с упомянутыми белорусами, переходящими с белорусского языка на русский, в речи которых растворяется даже сильно русифицированная, но все же белорусская в своей основе БРСР. Польско-силезско-немецкий пример постепенной утраты остатков автохтонного идиома является более разительным только по той причине, что в структурном плане немецкий язык гораздо сильнее отличается от польского, чем белорусский от русского.

Тем не менее, на территории Силезии и до сегодняшнего дня сохранился идиом, восходящий к «разбавленному польскому». Это значит, что переход оп-

¹ У этого предложения долгая история в научной литературе о «разбавленном польском». Об этом и других аспектах см. в [Hentschel 2001].

ределенной части верхних силезцев на немецкий язык не привел к исчезновению «разбавленного польского», или сегодняшнего силезского идиома, для которого характерна похожая койнеизация (наличие нескольких городских или ареальных койне), как и для БРСР. В бывшей немецкой части Верхней Силезии были люди, которые в сферах общественной жизни говорили на немецком, а в личной – на «разбавленном польском» языке. После Второй мировой войны в качестве «языка-крыши» для «разбавленного польского», или силезского идиома, выступал уже не немецкий, а польский язык. Таким образом, на один фактор варьирования сегодня стало меньше: было утрачено (по крайней мере, в значительной степени) спонтанное смешение с немецким языком. Но для силезского идиома, в котором до сих пор хорошо заметны явные следы немецкого языка, по причине отсутствия его кодификации все еще характерна высокая вариативность [ср. Tambor 2008].

Конечно же, невозможно с уверенностью прогнозировать будущее БРСР. Как Олександр Тараненко по отношению к суржику [Taranenko 2014], так и я по отношению к БРСР считаю очень сомнительным сценарий постепенного, но в итоге полного растворения ее в русском языке. Как показывает еще не завершенное ольденбургское исследование БРСР белорусских детей, проводимое Н. Кравченко, у учеников младших классов черты БРСР встречаются чаще, чем у старших школьников.¹ Так что пока БРСР продолжает жить, даже у представителей младших поколений.

6. Является ли БРСР переключением кодов (code switching), смешением кодов (code mixing) или же смешанным кодом (fused lect)?

В научной литературе существуют значительные различия в употреблении терминов «переключение кодов» и «смешение кодов». Некоторые ученые рассматривают смешение кодов как частный случай переключения кодов, при этом последнее понятие используется более широко. Другие же ученые, напротив, именно переключение кодов определяют как подтип смешения кодов. С понятием же «смешанного кода» («fused lect») все по-другому: под ним обычно понимаются диалекты, социолекты или языки, образованные, судя по всему, как минимум из двух других, т. е. смешанные диалекты (субстандарты) и смешанные языки. (Пиджины и креольские языки обычно рассматриваются как отдельная категория.) В смешанной речи (в широком смысле) явления смешения наблюдаются внутри предложений или их частей. Если же (как минимум) два языка-источника или диалекта-источника в рамках одного коммуникативного акта чередуются в форме целых предложений или же

¹ Здесь становится видимым одно из противоречий в высказываниях о БРСР уважаемой белорусско-русской коллеги Н. Б. Мечковской. С одной стороны, она говорит о постепенном развитии БРСР, начиная с конца XVIII в. [напр., Mečkovskaja 2014], и отрицает (явно недооценивая огромные изменения в белорусском обществе в советский период, особенно после Второй мировой войны) взаимосвязь с русификацией в советское время, с другой же стороны, она рассматривает БРСР как временное явление на пути перехода от белорусского к русскому языку. Если это так, то этот переход длится уже более 200 лет!

целых, синтаксически связанных фрагментов, то о смешанном коде не может быть и речи: перед нами прототип переключения кодов в смысле чередования кодов (alternational code switching). В записанных нами семейных разговорах такое чередование кодов, конечно, зафиксировано. Нередко чередуются предложения (высказывания), внутри которых смешение происходит в узком спектре (даже внутри словоформ), или целый ряд таких высказываний (БРСР в узком смысле) с высказываниями (рядом высказываний) на русском языке. Однако очень редко наблюдается чередование с высказываниями на белорусском языке. Крайне редки также более длинные фрагменты из белорусских предложений [Hentschel, Zeller 2012]. В таких случаях, как правило, отчетливо виден функциональный характер подобных чередований. Код может выбираться в зависимости, например, от собеседника или от темы разговора. Такое чередование кодов (преимущественно БРСР и русский язык) – это явление смешанного дискурса, а не смешанной речи в прямом, узком смысле. Внутри предложений, как показывает исследование С. Теш [Tesch 2014], случаи, которые можно однозначно интерпретировать как чередование кодов на стыке синтаксически связанных частей предложений (alternation) или «включение» элемента (как правило, отдельных словоформ) одного кода в структуру другого (insertion), встречаются крайне редко. Крайне редки также и «самоисправления», т. е. повторения одних и тех же выражений или фраз на другом языке, типичных как для чередования кодов на стыке предложений либо их частей, так и «включения».¹

Наиболее четко охарактеризовать смешение элементов белорусского и русского языков можно, используя понятие Майскена [Muysken 2000] «конгруэнтная лексикализация» (congruent lexicalization). Данный тип смешения типичен для контакта между диалектами, между литературным языком и его «родственными» диалектами, а также между близкородственными языками. Характерным в таком случае является то, что оба контактирующих кода (диалекты или языки) имеют не только в высшей степени схожие синтаксические структуры, но и схожие морфологические категории. Переход от одного кода к другому возможен при этом везде, даже внутри словоформ [ср. Хентшель 2013; Tesch 2014]. Таким образом, исчезает возможность различения «матричного» языка (matrix language) и «гостевого» языка (embedded language) в смысле модели К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 2002: 59–62]. Уже сама фонологическая репрезентация отдельных морфем может представлять собой смешение обоих кодов-источников [ср. Генчэль 2013б]. При смешении кодов данного типа поочередное появление внутри предложений элементов из обоих языков в большинстве случаев функционально не мотивировано.

¹ Это противоречит описанию минской БРСР, представленному Лисковец [2006], которая характеризует подобные исправления и повторения как типичные. Причиной этому является ее методика. Она собирала свой материал (в Минске) в основном при помощи интервью, которые проводила на русском языке. Поэтому естественно, или даже тривиально, что носители БРСР в подобной ситуации вставляют в свою речь самоисправления и повторения на русском языке.

Переход от смешения кодов к смешанному коду («fused lect») является, согласно Ауэру [Auer 1999], плавным.¹ Чем меньше в речи свободного варьирования, тем заметнее стабилизация смешанного кода. Другими словами: смешанный код представляет собой в значительной (но не абсолютной) степени конвенционализированное смешение. Вопрос здесь касается нормы употребления языка, т. е. узуса, речь о котором пойдет ниже.

7. Можно ли отличить БРСР на белорусской основе от БРСР на русской основе?

Такое различие проводит, к примеру, С. Запрудский [Запрудскі 2008: 72f]. В диахронической перспективе, несомненно, имеет смысл говорить о БРСР на белорусской основе: упомянутые выше белорусские сельские мигранты в 1960–1970-е гг. привозили с собой в город, конечно же, белорусскую, в первую очередь, диалектную базу. А так как в то время в сельских школах в качестве языка обучения преобладал белорусский литературный язык, то он, в свою очередь, также оказал влияние на белорусскую базу многих говорящих, попытавшихся позже, в городском окружении, перейти на русский язык, «создав» таким образом современную БРСР. Обратный переход носителей русского языка на белорусский (как, например, в Украине, начиная с 1990-х гг., когда русскоговорящие стали переходить на украинский язык либо добровольно, либо вынужденно), если наблюдается в Беларуси, то в единичных случаях и не представляет собой общественно важного явления. Т. е. в диахронической перспективе о БРСР на русской основе говорить можно, но в белорусской речевой действительности она не играет значительной роли.

Однако в контексте этого вопроса следует принять во внимание описанный выше факт, что для многих белорусов среднего и младшего поколения БРСР является кодом первичной языковой социализации (в первую очередь в семьях), а в школе и других сферах общественной жизни они, напротив, усваивают преимущественно русский язык (также и через СМИ). В таком случае с онтогенетической или, иными словами, синхронической точки зрения, правильнее было бы говорить о русском языке у белорусов, базирующемся на БРСР. Если же мы говорим о людях, которые, наоборот, исходя из БРСР, усваивают белорусский язык (таких, конечно, гораздо меньше), то аналогичным образом можно утверждать, что мы имеем дело с базирующимся на БРСР белорусским языком. Конечно, возможен и третий сценарий, если дети из семей белорусской интеллигенции, в которых они усваивают в первую очередь русский или белорусский язык в (более или менее) литературной форме, позже, например, по служебной необходимости (врачи, ветеринары, учителя и т. д. в сельской местности) переходят на БРСР-подобную форму речи. В данном случае действительно можно

¹ В исторической перспективе Ауэр [Auer 1999] допускает также плавный переход от переключения кодов к смешению кодов. Такой подход был поставлен под сомнение уже Матрасом и Баккером [Matras – Bakker 2003] и в нашем анализе также не находит подтверждения.

было бы говорить о БРСР на базе русского или белорусского языка. Однако в белорусском обществе подобное явление, скорее, второстепенно.

Таким образом, в строго синхронической перспективе, различение БРСР с русской и белорусской основой вряд ли имеет смысл. Важным здесь является то, что для значительной части населения характерна диглоссия между русским языком и БРСР. Белорусский литературный язык, как и белорусские диалекты, играют для большей части, по крайней мере, городского белорусского населения, всего лишь роль периферийного адстрата.

8. Имеет ли БРСР узус, т. е. нормы употребления? В отечественном языкознании преобладает мнение о том, что БРСР «несистематична», т. е. в ее основе нет системы, так как она не имеет узуса. Такое мнение несколько раз высказывала Н. Мечковская [например, Мечковская 1994; 2000]¹. Такой же точки зрения придерживается и Г. Цыхун [Cychun 2014]. Более того, он считает, что проводить масштабное эмпирическое, а тем более количественное исследование форм «креолизированной речи» типа БРСР и подобных ей форм в современных обществах вообще не имеет смысла. Во-первых, это, конечно же, резко противоречит раннему подходу в средневропейском языкознании. Еще в конце XIX в. грамматист Герман Пауль [Paul 1920] отмечал, что каждый узус является абстракцией (особенно узус общенародного языка) и его следует исследовать посредством изучения реальной языковой действительности.² Во-вторых, Г. Цыхун игнорирует развитие современной (признаю, западной) социалингвистики, в которой в традиции Уильяма Лабова закрепился термин «вариационистская парадигма» («*variationist paradigm*») и в которой широко используются количественные методы анализа. Социалингвистика лабовской парадигмы пришла к пониманию, что современные социальные субстандарты отличаются от других языковых разновидностей того же языкового пространства не столько

¹ Н. Мечковская [Мячкоўская 2013] даже высказывает мнение, что все специалисты (отечественной лингвистики) в области трасянки и суржика придерживаются подхода, согласно которому у форм смешанной речи отсутствует системность. (В отношении суржика она ссылается на украинскую коллегу Масенко, а также на вице-президента Академии наук Украины, физика по специальности.) Уважаемая минская коллега упускает из виду целый ряд специалистов по суржику, отмечающих его стабилизацию, конвенционализацию и системность, даже если она и частична: например, украинские коллеги О. Тараненко [Тараненко 2013; Taranenko 2014] и Н. Шумарова [Šumarova 2014], а также такие зарубежные коллеги, как М. Флайер [Flier 2008] и С. дель Гаудио [del Gaudio 2010]. В Беларуси же, пожалуй, только И. Климов [Klimaj 2014] видит в белорусско-русской смешанной речи, которую он называет полудиалектом, конвенционализированный код. Американский коллега К. Вулхайзер [Woolhiser 2014] также говорит о койнеизации БРСР.

² Структуралистское, а позже и генеративистское языкознание относились к варьированию, как правило, враждебно. Свободное варьирование было вытеснено на периферию языковой теории [ср. Lüdtke, Mattheier 2005]. Если механизм распределения вариантов в свободном варьировании нельзя было увидеть невооруженным глазом, то его игнорировали, называя просто явлением «речи» (*parole*), явлением «употребления» языка (*performance*), не представляющим особого интереса для науки. Тем не менее, в повседневной устной литературной речи варьирования больше, чем принято полагать. Еще чаще встречается мнение о якобы однородных старых сельских говорах. Однако и здесь возникает вопрос, в какой степени описанная однородность диалектов обусловлена имплицитной методикой традиционной диалектологии, не использующей количественные методы на основе анализа корпуса и оставляющей без внимания все, что в диалектной речи воспринимается как чужое, неавтохтонное.

в качественном, сколько в количественном плане [Romaine 1994: 70]. Это значит, что в речи носителей субстандартов, как правило, встречаются многие, если не все существующие в данном языковом пространстве варианты определенной языковой переменной, независимо от того, считаются ли данные говорящие монолингвами или билингвами. Однако в таких субстандартах наблюдаются специфические образцы распределения отдельных вариантов.

Согласно лабовской теории «вариационистской парадигмы», языковые разновидности в одном языковом пространстве представляют собой кластеры совместно появляющихся языковых признаков в континууме [Downes 1984: 27; Berruto 2009: 26, Geeraerts 2009: 253, Генчаль 2010]. Наше исследование БРСР подтвердило наличие подобных кластеров языковых признаков, т. е. вариантов самых различных переменных, относящихся к разным структурным уровням языка [ср. Хентшель 2013]. Это значит, что существуют переменные, для которых, с одной стороны, характерно предпочтение русских вариантов, а с другой стороны, есть переменные, для которых свойственно предпочтение белорусских вариантов, а именно в фонетике и фонологии [Hentschel 2013b; Hentschel, Zeller 2014], морфологии [Хентшель 2013; Генчаль 2013б; Менцель, Хентшель 2014], лексике [Генчаль 2013а; Hentschel 2013а] и морфосинтаксисе [Теш 2013; Tesch 2014] БРСР.

Конечно же, в нашем корпусе есть немало переменных, для которых не существует особых предпочтений белорусских или русских вариантов.¹ Ведь до тех пор, пока в определенном языковом пространстве коды-источники все еще активно употребляются (что и наблюдается в Беларуси), конвенционализированное и спонтанное смешение сосуществуют и могут накладываться друг на друга. Тем не менее выявленные в ольденбургских исследованиях БРСР предпочтения вариантов одного или другого языка образуют относительно стабильные иерархические образцы распределения конкурирующих вариантов. Таким образом, если среди вариантов переменной *A*, относящейся к определенному структурному уровню, явно преобладает белорусский вариант, среди вариантов переменной *B* преобладание белорусского варианта выражено слабее, а среди вариантов переменной *E* предпочтение чаще отдается русскому варианту, то такое распределение (если отсутствует дифференцирующее влияние белорусских диалектов или говоров) наблюдается почти везде: в разных городах, у представителей разных социальных групп и т. д. Такое явление нельзя назвать спонтанным, случайным или хаотичным варьированием. Стабильную иерархию можно наблюдать по отношению к большому количеству структурных переменных в обоих корпусах (семейном и корпусе интервью), причем у разных информантов, в разных городах, а также и у разных типов говорящих [Hentschel 2013а; Hentschel, Zeller 2014], выделенных на основе того, каким из трех кодов

¹ Корпус, о котором идет речь, содержит не 210 тыс. словоформ (как представлено в [Мячкоўская 2013]), а приблизительно на 170 тыс. больше. Первое число – это объем материалов из семейных разговоров, т. е. совершенно спонтанная аутентичная речь, а второе – объем материалов из интервью [ср. Hentschel, Zeller, Tesch 2014].

(русским языком, БРСР или белорусским языком) данные говорящие регулярно пользуются. Таким образом, в отношении некоторых переменных можно с высокой вероятностью предугадать, какой именно вариант будет реализован: русский или белорусский. Данные тенденции сохраняются в речи отдельных говорящих и тогда, когда они сознательно приближают свою БРСР к белорусскому (например, в разговоре с пожилыми людьми) или же русскому языку. Вместо того, чтобы говорить о якобы четко различаемых вариантах БРСР, как это делает, к примеру, Н. Мечковская, напр. [Мешковская 2014], признавая, что невозможно разграничить их на основе корпусных данных, следует согласиться с тем, что системность устных смешанных субстандартных кодов нужно искать в регулярности количественной динамики их смешения, т. е. в случае БРСР в разных количественных отношениях между белорусскими и русскими вариантами структурных переменных. Именно это и представляет собой качественную характеристику узуса в современных субстандартах.

Конечно, относительно БРСР существует ряд других вопросов, на которые я скоро предложу ответы в другом научном издании.

Список литературы

1. Генчаль, Г. Тэарэтычнае асэнсаванне сістэмнасці мяшанага беларуска-рускага маўлення / Г. Генчаль // Актуальныя праблемы паланістыкі. Мінск, 2010. С. 43–64.
2. Генчэль, Г. Размеркаванне беларускіх і рускіх варыянтаў структурных слоў у беларуска-рускім змешаным маўленні / Г. Генчэль // Веснік БДУ. Серыя 4. 2013а. № 2. С. 52–61.
3. Генчэль, Г. Да пытання развіцця словозмяняльных парадыгмаў у беларускай трасянцы (на прыкладзе ўказальных займеннікаў) / Г. Генчэль // Г. Цыхун (рэд.). Замежная мова-знаўчая беларусістыка на міжнародных з'ездах славістаў. Мінск, 2013б. С. 148–175.
4. Запрудскі, С. Маўленчая акамадацыя і пераключэнне кодаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі: выпадак Беларусі / С. М. Запрудскі // G. Hentschel, S. Zaprudski (eds.). 2008. С. 57–97.
5. Запрудскі, С. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні "трасянікі", або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук / С. М. Запрудскі // Arche. 2009. № 11-12. С. 157–200.
6. Лисковец, И. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку / И. В. Лисковец. Санкт-Петербург, 2006.
7. Менцель, Т., Хентшель, Г. Вплив російської мови на флексивну морфологію білорусько-російського та українсько-російського змішаного мовлення / Т. Менцель, Г. Хентшель // Мовознавство. 2014. № 1. С. 32–57.
8. Мечковская, Н. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. Москва, 2000.
9. Мечковская, Н. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия / Н. Мечковская // Russian Linguistics. 1994. № 18. С. 299–322.
10. Мячкоўская, Н. Мовы і культура Беларусі / Н. Б. Мячкоўская. Мінск, 2008.
11. Мячкоўская, Н. У лінгвістычнай лабараторыі прафесара Генчэля: метады і вынікі даследавання трасянікі / Н. Мячкоўская // Веснік БДУ. Сер. 4. 2013. № 2. С. 62–69.
12. Теш, С. Морфосинтаксические феномены в белорусско-русской смешанной речи: предложно-падежные конструкции / С. Теш // Веснік БДУ. Серыя 4. 2013. № 3. С. 43–51.
13. Хентшель, Г. Белорусский, русский и смешанная речь / Г. Хентшель // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 53–76.
14. Хентшель, Г., Киттель, Б. Языковая ситуация в Беларуси: Мнение белорусов о распространенности языков в стране / Г. Хентшель, Б. Киттель // Социология. 2011. № 4. С. 62–78.

15. Тараненко, О. Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського «сур-жуку» (УРС): сукупність ідіолектів vs. Соціолект / О. О. Тараненко // G. Hentschel (Hg.). 2013b. С. 27–63.
16. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. Москва, 1994.
17. Auer, P. From codeswitching via language mixing to fused lects: towards a dynamic typology of bilingual speech / P. Auer // *International Journal of Bilingualism* 1999. № 3/4. P. 309–332.
18. Berruto, G. Identifying dimensions of linguistic variation in a language space / G. Berruto // P. Auer, J. E. Schmid (eds.). *Language in space. Vol. 1: Theories and methods*. Berlin etc., 2009. P. 226–241.
19. Cychun, H. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens / H. A. Cychun // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. S. 163–172.
20. del Gaudio, S. On the nature of Suržyk: a double perspective / S. del Gaudio. München, 2010. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 75.)
21. Downes, W. *Language and society* / W. Downes. Cambridge, 1984.
22. Flier, M. Suržyk or suržyks / M. Flier // G. Hentschel, S. Zaprudski (eds.). 2008. P. 39–56.
23. Geeraerts, D. Schmidt redux: How systematic is the linguistic system if variation is rampant / D. Geeraerts // K. Boye, E. Engberd-Pedersen (eds.). *Language usage and language structure*. Berlin, New York, 2009. P. 237–262.
24. Hentschel, G. Das Schlesische: eine neue (oder auch nicht-neue) slavische Sprache? / G. Hentschel // M. Weber (Hg.). *Deutschlands Osten – Polens Westen*. Frankfurt/M., 2001. S. 149–174.
25. Hentschel, G. Zwischen Variabilität und Regularität, „Chaos“ und Usus: Zu Lautung und Lexik der weißrussisch-russischen gemischten Rede / G. Hentschel // G. Hentschel (Hg.). 2013a. S. 63–99.
26. Hentschel, G. (Hg.). *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg, 2013b.
27. Hentschel, G. „Trasjanka“ und „Suržyk“ – zum Mischen von Sprachen in Weißrussland und der Ukraine / G. Hentschel // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. S. 1–26.
28. Hentschel, G., Taranenko, O., Zaprudski, S. (Hrsg.). *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt/M., 2014.
29. Hentschel, G., Zaprudski, S. (eds.). *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg, 2008. (= *Studia Slavica Oldenburgensia*. 17.)
30. Hentschel, G., Zeller J. P. Gemischte Rede, gemischte Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien / G. Hentschel, J. P. Zeller // *Wiener Slawistischer Almanach*. 2012. Sonderband 70. S. 127–155.
31. Hentschel, G., Zeller J. P. Belarusians, pronunciation: Belarusian or Russian? Evidence from Belarusian-Russian Mixed Speech / G. Hentschel, J. P. Zeller // *Russian Linguistics*. 2014. № 38/2. P. 229–255.
32. Hentschel, G., Zeller J. P., Tesch, S. Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR / G. Hentschel, J. P. Zeller, S. Tesch. Oldenburg, 2014. // URL: <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/>. Дата доступа: 11.10.2014.
33. Klimaū, I. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der parole und der langue / I. Klimaū // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. S. 173–192.
34. Kloss, H. Über einige Terminologie-Probleme der interlingualen Soziolinguistik / H. Kloss // *Deutsche Sprache*. 1977. № 5. S. 224–237.

35. Liskovets, I. V. Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk / I. V. Liskovets // *International Journal of Bilingualism*. 2009. № 13. P. 396–412.
36. Lüdtke, J., Mattheier, K. J. Variation – Varietäten – Standardsprachen. Wege für die Forschung / J. Lüdtke, K. Mattheier // A. N. Lenz, K. J. Mattheier (Hrsg.). *Varietäten – Theorie und Empirie*. Frankfurt/M., 2005. S. 13–38.
37. Matras, Y., Bakker, P. The study of mixed languages / Y. Matras, P. Bakker // Y. Matras, P. Bakker (eds.). *The mixed language debate. Theoretical and empirical advances*. Berlin; New York, 2003. P. 1–20.
38. Mečkovskaja, N. B. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasi-ethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation / N. B. Mečkovskaja // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. S. 55–92.
39. Muysken, P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing* / P. Muysken. Cambridge, 2000.
40. Myers-Scotton, C. *Contact Linguistics* / C. Myers-Scotton. Oxford, 2002.
41. Paul, H. *Prinzipien der Sprachgeschichte* / H. Paul. Tübingen, ⁵1920 (1880).
42. Romaine, S. *Language in society. An introduction to sociolinguistics* / S. Romaine. Oxford, 1994.
43. Stern, D. Die Trasjanka und die Regiolektalisierung des Russischen in Weißrussland / D. Stern // *Zeitschrift für Slawistik*. 2013. № 58/2. S. 169–192.
44. Šumarova, N. Der Suržyk im System nah verwandter Zweisprachigkeit: soziolinguistischer und linguistischer Aspekt / N. Šumarova // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. S. 309–328.
45. Tambor, J. *Mowa górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna* / J. Tambor. Katowice, ²2008.
46. Taranenko, O. Ukrainian and Russian in contact: attraction and estrangement / O. Taranenko // *International Journal of the Sociology of Language*. 2007. № 183. P. 119–140.
47. Taranenko, O. Ukrainisch-russischer Suržyk: Status, Bewertungen, Tendenzen, Prognosen / O. Taranenko // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. S. 267–290.
48. Tesch, S. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede. Kodemischen und Morphosyntax* / S. Tesch. Oldenburg, 2014.
49. Trudgill, P. *Dialects in contact* / P. Trudgill. Oxford, 1986.
50. Woolhiser, C. 2014. Social and structural factors in the emergence of mixed Belarusian-Russian varieties in rural Western Belarus / C. Woolhiser // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. P. 143–152.
51. Zaprudski, S. In the grip of replacive bilingualism: the Belarusian language in contact with Russian / S. Zaprudski // *International Journal of the Sociology of Language*. 2007. № 183. P. 97–118.
52. Zaprudski, S. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus „Trasjanka“ und zur modernen Trasjankaforschung / S. Zaprudski // G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). 2014. S. 119–142.